

Анна Матвеева

Внук генерала Игнатьева

Рассказ из цикла «Двойники»

1

Никто не предупредил, что на прощании будет закрытый гроб.

Все последние дни Юля Вогулкина представляла себе Ясного в виде покойника и справедливо винила себя в любопытстве. Хотелось знать, будет ли он в мертвом виде таким же ухоженным, как при жизни?

Ясной носил крохотную бородку в виде пикового туза, очки без оправы и щеголял свежим маникюром: глядя на него, Юля прятала обкусанные пальцы в растянутых рукавах свитера. Она и вообще любила ходить, скрестив руки на груди, — так было теплее и придавало устойчивости. Пришлось высвободить ладонь из рукава, чтобы взять визитную карточку: глянцевую, по моде конца девяностых. Может, он не заметил цыпки-заусенцы?

Выпуклый черный курсив: «Ясной Олег Аркадьевич. Директор частного института истории России советского периода».

Сколько лет было Ясному, сказать трудно. Для Юли, совсем в ту пору юной, все мужчины старше тридцати лет были ровесниками друг другу. От сорока до шестидесяти, — где-то так, наверное. Можно было бы спросить напрямую, но вдруг еще подумает чего-нибудь. Вообразит себе. Вогулкиной не нравились такие нафабранные аккуратисты, то ли дело Паша Зязев. Вечно нестриженный, в мятых (но при этом всегда чистых!) футболках, в пожелтевших кедах, Зязев казался Юле очаровательным — не раздражала даже его привычка мыть руки, забрызгивая водой все зеркало, даже его жуткая манера скрести вихры тупым концом карандаша.

Ясной не позволял себе ни одного сомнительного жеста. Носил костюмы, сверкал пряжкой ремня, благоухал сладковатым, с удушливой ноткой, парфюмом. Похожий запах — у похоронных лилий в корзине, что стоит в ногах покойника, поняла вдруг Юля. А потом, слева от корзины, увидела мужские ноги в отглаженных брюках и блестящих штиблетах с заостренными носами. Точно такие носил Ясной!

Вогулкина подняла взгляд, увидела сверкающую пряжку ремня, пиджак, ослабленный узел галстука — и лицо покойника, правда, без пиковой бородки и очков. Смотрел он прямо в глаза Юле, смотрел насмешливо и с интересом.

Анна Матвеева — прозаик, автор книг «Перевал Дятлова», «Завидное чувство Веры Стениной», «Картинные девушки» и др. Живет в Екатеринбурге.

Предыдущая публикация в «Дружбе народов» — 2017, № 10.

Другая на ее месте, может, вскрикнула бы, но Вогулкина сдержалась, лишь стиснула крепче свой довольно жалкий букет гвоздик.

Сдержалась она не потому, что была так уж сильна духом, — ничего подобного. Всего лишь такое устройство психики, когда любая эмоция — страх, удивление, радость — докатывается спустя несколько минут. Это плохо в случаях, когда нужна быстрая реакция, но бесценно, если нужно скрыть истинное чувство от окружающих. Ватные ноги, дрожь в руках, банный пот — все будет точно по расписанию, но пока можно спокойно отвести взгляд от Ясного — живее всех живых! — и сделать вид, что сосредоточенно слушаешь черно-велюровую служительницу крематория, отрабатывающую неизменный ритуал. Ужас докатился до Вогулкиной ровно в тот момент, когда служительница сказала:

— Предлагаю проститься с Олегом Аркадьевичем и вспомнить о нем только самое лучшее. Пожалуйста! — Она гостеприимным жестом хозяйки указала на гроб и сделала шаг назад, склонив голову в скорбном поклоне.

Живой покойник уверенными шагами шел к микрофону — и все, кто помнил Олега Ясного, вздрагивали с разной степенью интенсивности. Шел он, точно как Ясной, выбрасывая острые носки туфель в стороны, приосаниваясь, пощелкивая пальцами.

— Поскольку наших родителей здесь нет, — сказал покойник, еще раз безнадежно окинув взглядом скромную группу провожающих (в основном там были женщины, старухи и лишь несколько мужчин невротического вида), — то первое слово скажу я. Олег был моим братом и, как вы можете заметить, близнецом.

Имени своего выступающий называть не стал. А голос имел точно как у Ясного, и ни на йоту не отличались интонации. Впрочем, это, возможно, норма — Вогулкина не имела в ближнем общении близнецов и не знала, как у них все устроено.

Тихонько подошел опоздавший Паша, взял Юлю за руку, и она радостно вспыхнула. Близнец, на секунду приостановив свою речь, посмотрел на них укоризненным взглядом Олега Ясного и продолжил говорить о том, каким выдающимся человеком был его брат. Неоценимый вклад. Усердная работа. Упрямство ученого. Редкая наблюдательность. Потрясающее бескорыстие.

Юля подумала, что Ясному бы понравилась эта речь и что он, вполне возможно, сам ее и составил на случай непредвиденно ранней смерти.

Других желающих проститься с Олегом Аркадьевичем не отыскалось. Разочарованный близнец кивнул служительнице — и она объявила, что теперь близкие покойного могут обойти вокруг гроба, положить на крышку цветы и сказать Олегу Аркадьевичу последнее прости.

Стебли гвоздик прилипли к вспотевшей ладони Вогулкиной, и она с облегчением стряхнула их на гроб — тоже, кстати, элегантный, напомнивший Юле один из казенных буфетов «Дома чекиста», которых она нагладелась на фотографиях. Цветов было немного, венков всего один, увитый лентой с надписью «От безутешного...». Близнец похлопал по крышке гроба, как грузчик, завершивший работу — и Олег Аркадьевич Ясной, или кто там лежал на самом деле, поехал в печь. А Юля с Пашей вышли на божий свет, где несколько старух обсуждали вполголоса, кто теперь будет им возвращать деньги.

— Дождемся этого брата и спросим, — предложила самая бойкая, но при этом со следами непоправимой интеллигентности на лице.

Но брат-двойник пропал — и даже не сообщил о том, будут ли поминки! Возможно, имелся еще какой-то выход из крематория, помимо двери и трубы?..

Юля смотрела на черный дым, улетающий в голубенькое майское небо, и думала, что в любом случае земной жизни Олега Ясного — многоженца, историка, внука генерала Игнатьева, родственника Сталина и Лили Брик, пришел конец.

Ну или не пришел.

И почему, кстати, тот двойник выглядел ровесником прежнему Ясному, а не тому, каким он стал бы сейчас?.. Прошло почти пятнадцать лет, некоторые люди, конечно, медленно стареют, но не до такой же степени!

Может, он не брат и не двойник, а сын Ясного? Правнук генерала Игнатьева?..

Всю обратную дорогу Юля и Паша молчали, а когда он сказал, что не сможет сегодня зайти, Вогулкина почему-то не расстроилась. Она спокойно относилась к Пашиной жене Алёне, которую знала лишь заочно, но признавала как неотъемлемую часть Зязева — его руку или, например, ухо. Признавала, но все равно, конечно, огорчалась, когда из-за этого уха нарушались любовно выстроенные планы. И сама себя одергивала: так нельзя, тебе никто ничего не обещал, надо быть выше этого (хотя куда уж выше-то!). Обидно было, что с Алёной Паша познакомился примерно тогда же, когда они с Юлей начали работать над исследованием о «Доме чекиста», — то есть у него была возможность выбрать себе в жены Вогулкину, но выбрал он почему-то Алёну. И живет с ней теперь, как сам с удручающим постоянством говорит, душа в душу.

Но вот сейчас она не расстроилась, и Паша почувствовал это.

— Ты какая-то странная сегодня!

— Да я вообще странная, — отмахнулась Юля. — Беги уже, созвонимся.

Он не побежал, а пошел в сторону своего дома — довольно медленно и неохотно. А вот Юля домой почти летела — даже напугала своей скоростью какую-то собачку. Не терпелось найти в залежах письменного стола папку с ксерокопиями документов, так и не переродившихся из «собранных материалов» в научный труд. В той же папке, если она правильно помнит, лежала визитка Ясного и их совместная фотография, сделанная Пашей на фоне «Дома чекиста».

В письменном столе Вогулкиной давным-давно царили тлен и запустение. Братская могила великих начинаний, «замыслы с размахом, когда-то обещавшие успех». А ведь Юля еще лет десять назад не поверила бы, что из всех специальностей, которыми она овладевала на ходу, играючи, постоянной станет самая непритязательная — гид-краевед. Ни писателя, ни историка, ни культуролога из Юли так и не получилось.

Но при этом она жива, а вот Ясного сожгли сегодня утром в крематории.

Или не сожгли?

Она снова вспомнила двойника, его любопытный взгляд (глаз ученого-естествоиспытателя!) и поёжилась. Выбрасывала из ящиков стола одну стопку листов за другой, начала, разумеется, кашлять от пыли. А нужная папка лежала, конечно же, на самом дне позорного погоста. Первым делом Юля вытащила из нее фотоснимок.

Никаких сомнений в том, что человек, представившийся братом Олега Ясного, был либо его подлинным близнецом, либо двойником, либо им самим!

Самое простое, конечно — двойником. Доппельгангером.

2

Двойник, как считала Вогулкина, есть за редким исключением у каждого. На портрете, написанном двести лет назад, в телевизоре, в соседнем дворе, в документе — тут уж кому как повезет. Ну, или не повезет.

Двойники интересовали Юлю с невинного детства. Можно даже восстановить в памяти, с какого точно дня они ее начали интересовать. Ну, или не точно. А нет, точно!

1 сентября 1982 года Юля пошла в четвертый класс новой школы — не той, что во дворе, а другой, через две дороги и сквер. Бабушка дала ей букет глупых георгинов, хотя Юля предпочла бы гладиолусы (однокоренное слово с «гладиатором» — Юле тогда нравились мальчишеские книжки).

На линейке все было как обычно, а когда пошли по классам и началась перекичка, вместе с Юлей вскочила со своего места в третьем ряду кудрявая девочка-мартышка.

— Вогулкина Юля!

— Здесь! — они крикнули хором, и все, конечно, засмеялись.

Учительница сказала, что вторую Вогулкину приняли в тот же четвертый класс «Б» по ошибке и «во избежание путаницы» ее переведут в ближайшее время в параллельный. Но ближайшее время, как часто бывает, растянулось на несколько месяцев, мучительных для обеих Юль.

— Она ведь нам даже не родственница, — возмущалась Юлина бабушка, как будто родственницу было легче снести. Мартышка оказалась пакостной девочкой, и бремя дурной славы преследовало Юлю даже после того как тезку перевели наконец даже не в параллельный класс, а в другую школу.

Родители отнеслись к появлению двойника дочери до обидного легкомысленно. Маме это даже показалось забавным!

— Ладно бы мы были какие-нибудь Кузнецовы, Ивановы, — смеялась мама, — но Вогулкины все-таки не самая распространенная фамилия.

А папа снял с носа очки и сказал:

— Вполне типичная для Урала. Вогулы — старое название манси. Возможно, могли бы посчитаться родней! Не хочешь, Юляша, пригласить домой свою тезку?

Юля, слушая родителей, мечтала стать сразу Ивановой и Кузнецовой, лишь бы не наткнуться на кудрявую нахалку, присвоившую себе не только ее фамилию, но даже имя. Звать ее домой — да ни за что в жизни! Первая Вогулкина была довольно одинокой девочкой, трепетно оберегающей свой мир от чужих посягательств. Да, о двойниках она впервые задумалась именно тогда — и безо всякой симпатии, потому что испытала на себе, как чужой, неприятный человек претендует на часть твоей неповторимой личности. «Идентичности» — подсказала взрослая Юля себе десятилетней.

Исчезнув из реальной жизни, вторая Вогулкина долго возвращалась к первой в тревожных снах и много раз мерещилась на троллейбусных остановках.

Примерно в то же время папа достал где-то по случаю «Сказки» Гофмана, и Юля прочитала за один вечер «Песочного человека», а потом стащила с полки взрослого стеллажа «Эликсиры сатаны». Читать было страшно, не читать — невозможно!

Как выяснилось позднее, мировая литература была нашпигована двойниками — от безобидных «Принца и нищего» и «Виконта де Бражелона» до жуткого «Доктора Джекила и мистера Хайда» и так далее, с первой по шестую полку стеллажа. Весь цвет изящной словесности — от Шекспира до Гоголя, от Шамиссо до Эдгара По, от Достоевского до Белого, от Набокова до Газданова и Шварца, от Кортасара и Борхеса до Паланика — только и делал, что препарировал тему доппельгангеров, и почти всегда появление двойника было для героя дурным знаком. Неважно, касалось ли сходство внешности, имени или другой рифмы судьбы.

В семнадцать лет, студенткой, Юля влюбилась в немолодого уже музыканта, репетировавшего с группой в цокольном этаже университета. Музыкант о ее чувствах, к счастью, не знал, да и вряд ли его заинтересовала бы круглолицая девочка в немодной юбке и очках. Юля караулила его на выходе из университета, смотрела, как он прикуривает сигарету и с одобрением смотрит в вечернее небо. Спустя год ей стал постоянно встречаться в троллейбусе без малого точный двойник музыканта — он лишь ростом был ниже, и Юля перенесла свои чувства на него, потому что из цокольного этажа группу тем временем выперли. Потом троллейбусный доппельгангер тоже куда-то сгинул, и Вогулкина сосредоточилась на учебе. Враз захотелось стать сразу всем: культурологом, искусствоведом, социологом, писателем! В моду вдруг

вошло презируемое ранее краеведение. Однокурсник Паша Зязев проводил первые экскурсии по Екатеринбург — бесплатные, по велению сердца. Предлагал любоваться ленточными окнами и округлыми, женственными фасадами конструктивистских домов, рассказывал о судьбах архитекторов, совал экскурсантам под нос ксерокопии старых газетных статей. Юля побывала на одной такой экскурсии — и влюбилась в конструктивизм, а следом и в Пашу. В таком порядке. Паша привлекал ее многим, и не последним здесь стало то, что у Зязева двойника не было. Ни на старых портретах, ни в троллейбусах, ни среди голливудских артистов не было никого, хотя бы отдаленно напоминавшего Пашу. Сам он, впрочем, считал, что имеет несомненное сходство с артистом Расселом Кроу, но Юля этого сходства не видела.

К третьему курсу Паша написал несколько бойких газетных текстов о выдающихся зданиях города — гостинице «Исеть», Белой башне, Институте охраны материнства и младенчества. Подбирался ко Второму Дому Советов, который в народе окрестили «Домом чекиста» — и неожиданно пригласил в соавторы статьи Вогулкину.

— Даже не статья будет, а целое научное исследование! — горячился Паша.

Тогда был вроде бы май. Точно, май! Вокруг памятника Свердлову буянила цветущая сирень. Они долго сидели на лавочке, одурманенные ароматом цветов, а Юля — еще и перспективой работать вместе с Пашей. Да хоть на что согласна, лишь бы вместе с ним!

Но Паша сразу же сказал, что у каждого будет свое направление деятельности — и Юлю он для начала просит сходить в архив репрессированных на Площади Труда. В рамках уже продуманной Зязевым методологии исследований.

Вогулкина попыталась скрыть свое разочарование за фальшивым энтузиазмом, но разочарование слишком уж превышало энтузиазм размерами и потому торчало наружу.

Пришлось срочно купить мороженое в ларьке на углу Ленина—Карла Либкнехта, чтобы подправить себе настроение. Мороженое всегда помогало, и на сей раз тоже справилось. Юля даже улыбнулась, когда шла мимо Главпочтамта, — Зязев на экскурсии рассказывал, что этот памятник конструктивизма должен вызывать у горожан ассоциации с гигантским трактором. Но у Юли он вызывал ассоциации только с самим Пашей. Ей приятно было видеть Главпочтамт. Вот в этом огромный плюс зданий — они довольно часто остаются на своих местах в отличие от людей.

Вогулкина интересовалась архитектурой на свой лад. Ее занимало больше всего то, как меняются разные дома в зависимости от того, кто в них живет и работает.

— Так это же прямо в точку! — вскричал Зязев, когда Юля рассказала ему о своем взгляде на памятники архитектуры городского и федерального значения. — Надо обязательно собрать материалы о тех, кто жил в «Доме чекиста» — помимо Ельцина, хотя Ельцин нам тоже понадобится. Там же, насколько я знаю, чуть не каждого второго расстреляли в тридцать седьмом!

Вот почему решили начать с архива репрессированных. Зязев назвал Юле фамилию сотрудника, который заведовал выдачей дел в архиве, и этот сотрудник, Волков, встретил ее весьма приветливо.

— Какую погоду нам сегодня выдали, правда? — сказал он Вогулкиной сразу после «здравствуйте». Юля подтвердила, что правда, хотя и не поняла, с чего бы так радоваться майской погоде, если сидишь целый день в своем архиве...

Волков, кстати, оказался чрезвычайно похож лицом на одного институтского преподавателя по фамилии Зайцев. В историях про двойников — не только ужасы, бывает и смешное.

— А вы, между прочим, не первые, кто интересуется этими материалами, — сказал между тем Волков. — Все то же самое буквально два месяца назад запрашивал

Олег Аркадьевич Ясной, руководитель частного института истории России советского периода. Знаете такого?

Юля такого не знала. Ее расстроило, что они с Пашей, оказывается, вовсе не первые затеяли это исследование и что у неведомого Ясного было преимущество в целых два месяца. И что это за частный институт такой, кстати, она впервые о нем слышит.

— А есть ли у вас какие-то контакты этого самого Олега Аркадьевича? — спросила она у Волкова, и торопливо добавила: — Я бы хотела взять у него интервью.

Интервью — самый надежный способ познакомиться с человеком, к которому ни на какой козе не подъехать. Этой премудрости Юлю обучила знакомая журналистка, удачно выскочившая после одной такой беседы замуж. Никто не отказывается от интервью: даже успешных и знаменитых икрой не корми, лучше дай возможность поговорить о своей драгоценной персоне под диктофон.

Волкову, впрочем, было вполне безразлично, зачем Юле понадобился номер Ясного — он терпеливо продиктовал его аж два раза подряд, чтобы Вогулкина проверила цифры. А потом вынес в читальный зал две здоровенные папки с подшитыми делами репрессированных. И зевнул, что работают они сегодня до пяти.

Документы в папках были такими жуткими, что Юля на время выкинула из головы их с Пашей интеллектуального двойника Олега Аркадьевича с его невообразимым институтом. От всех этих постановлений об арестах, описей имущества, заявлений, телеграмм, веяло таким густым ужасом, что он не развеялся даже спустя столько лет.

В «Доме чекиста», первом свердловском «небоскребе», построенном в конце 1920-х, проживали самые выдающиеся на тот момент жители города. Генералы, писатели, политические деятели крупного калибра, старые большевики (впрочем, у старых большевиков, среди которых значился Ермаков, убийца Романовых, имелся «свой собственный» дом на другой стороне улицы — с роскошным видом на пруд и с широченными балконами, которые отдельно взятые бабушки превращали по зиме в каток для внуков). «Жилой комбинат НКВД» — так он назывался в проекте — выходил и на улицу 8 Марта (носившую до революции имя Уктусской, а после, недолго и символично, Троцкого), и на улицу Антона Валека, и на улицу Володарского, связанную в памяти поколения Юли и Паши с незабвенным свердловским рок-клубом. Над проектом здания работали финляндский подданный, талантливый архитектор и убежденный идеалист Иван Павлович Антонов и его коллега Вениамин Дмитриевич Соколов. П-образное четырехэтажное здание и примыкающий к нему одиннадцатиэтажный комплекс (тот самый «небоскреб») в плане представляли собой серп — один из символов новой власти. И на стройке этого «серпа» трудились раскулаченные крестьяне из Краснодарского края: случайная, но убедительная рифма жестоких лет.

Даже в Москве в те годы было не лишку таких величественных жилых зданий, где работали и своя столовая, и парикмахерская, и детский сад, и кинозал, и даже фонтан во дворе! Попасть во двор Второго Дома Советов (так стал называться со временем жилкомбинат НКВД) без пропуска было невозможно — за всем присматривала вооруженная охрана, бдительно сторожившая покой жильцов и казенное имущество: в каждой квартире здесь был полный набор мебели и разных прекрасных излишеств типа радиоприемника. Каждый из восьми подъездов запирали дубовая дверь, обитая медными планками, а колонны некоторых парадных были сделаны из лабрадорита. В высотном здании работал лифт, возносивший жильцов к заоблачным высотам при помощи специального сотрудника, в квартирах сверкали белизной свеженькие ванные комнаты, лестничные марши были отделаны мрамором, и даже лаконичные урны для мусора во дворе отливали по эскизу все того же архитектора Антонова. Простым

людям позволялось разве что поглазеть на чудеса из-за кованой решетки, и то если не прогонит легендарный местный дворник Бармалей.

В режимных подъездах «Дома чекиста» проживал сплошь партийно-советский «верхний этаж» с семьями и прислугой — первый секретарь Уралобкома Иван Кабаков, парторг Уралмаша Авербах и так далее вплоть до Бориса Ельцина. Высотный восьмой подъезд был, пожалуй, самым эффектным из всех благодаря головокружительной многоэтажности здания и гранитной рустовке входной группы, превратившей обычный вход в сказочный пещерный проем. Фасад «небоскреба», украшенного на уровне 10—11 этажей балконами-крыльями (теперь их нет), был изначально окрашен в цвета чекистской формы — темно-серый и белый. Причем, белым для пушей графичности решено было выкрасить те самые крылатые балконы, парапет крыши и шахту для дыма — и над Свердловском вознесся сверкающий белый крест! Архитектурно безупречное и политически провальное решение, ведь в те годы в Свердловске, как и по всей стране, боролись с религиозным дурманом. Например, Богоявленский кафедральный собор на площади 1905 года простоял на своем месте до 1930 года, то есть его снесли уже после того как в городе появился «Дом чекиста» с его дерзким крестом, возмущившим передовую общественность.

Юля Вогулкина прекрасно помнила старый снимок Богоявленского собора: его демонстрировал на одной из экскурсий Паша Зязев. По оплошности держал фото вверх ногами. Вогулкину тогда захлестнули сразу и сочувствие к Паше, и жгучая жалость к этому прекрасному храму, соразмерному городу и совершенно беззащитному.

А белый крест над Свердловском сочли злостной провокацией — на допросы в НКВД вызывали и архитекторов, и маляров, и коменданта новенького Дома. Опасный фасад перекрасили, Антонов тогда буквально чудом избежал ареста, но спустя несколько лет, на волне борьбы со шпионажем, на него был сделан новый подлый донос.

Архитектора успели предупредить, он в спешке покинул город и вернулся в Финляндию. До последних лет своей жизни Антонов считал, что лучшие свои проекты он выполнил в Свердловске, и мечтал увидеть хотя бы еще раз свой ненаглядный Дом...

А у тех, кто завидовал «небоскребожителям», переминаясь с ноги на ногу по ту сторону кованой ограды, вскоре появился повод для злорадства — или сочувствия. У режимных подъездов «Дома чекиста» все чаще останавливались черные машины-«воронки», хозяев забирали одного за другим — расстреливали, ссылали... Осиротевшие семьи выселяли из квартир и перевозили — в лучшем случае в убогие бараки на улице Челюскинцев.

Юля делала копии документов, вовсе не выглядевших ветхими — приговоры о расстрелах, постановления о наложении ареста на имущество, слезные письма вдов, оставшихся без жилья, работы и денег, статьи из «Уральского рабочего» про врагов народа и политических слепцов. У нее заболела голова, пожалуй, хватит на сегодня. Вот и Волков давно уже ерзает за своим столиком в нетерпении...

Вогулкина вышла из архива с последним ударом часов на площади — как граф Монте-Кристо. Хотелось вымыть руки, а лучше бы сразу в душ, с головой. И потом позвонить Паше, может, он позовет ее вечером погулять — есть ведь о чем рассказать!

Но вместо того чтобы перейти по светофору на другую сторону проспекта и сесть в трамвай до родного ЖБИ, Юля пошла в другую сторону — будто ее тянули за ниточку — и спустилась к пруду. Слева, под бюстом Мамина-Сибиряка, горбились шахматисты и продавцы старых книг. Справа гремели самокатами ребятишки. Вогулкиной казалось, что от нее несет горькой книжной пылью, она даже понюхала незаметно рукав своей блузки — но ощутила только запах духов, которыми опрыскивала не шею, а запястья.

Город наслаждался маем, сияла нежная листва, под ногами хрустели липкие почки. А Юлина ниточка натягивалась все сильнее.

На набережной Рабочей молодежи целовалась немолодая и некрасивая пара, рядом, как и полагается в рассказе о двойниках, миловались голуби — один был далматиновый, с поржавевшим горлом. Коротеньким переулком Химиков Юля вышла, наконец, к высокому серому дому — и уткнулась носом в ограду. На воротах был кодовый замок.

Как назло, никто не выходил из «Дома чекиста» и не возвращался — на скамейке в безлюдном дворе сидела мамаша с младенцем на руках, но Вогулкина постеснялась ее окликать. С чего бы жильцам пускать в закрытый двор посторонних!

Открылись ворота только через полчаса — пропустили на законных основаниях крепко заляпанный грязью «опелёк» и на незаконных — Юлю. Она тут же с деловитым видом направилась к ближайшему подъезду, хотя можно было и не разыгрывать сцену. Вторжение Вогулкиной никого не заинтересовало, мамаша даже в ее сторону не поглядела, а других людей во дворе не было. Юля обошла двор по периметру, задирая голову. Рассмотрела неработающий фонтан. Поглазела на окна, гадая, за каким из них покончил с собой в 1937 году обкомовец Константин Пшеницын, ожидавший ареста со дня на день. И с какой стороны проник во двор неизвестный самоубийца, бросившийся с крыши в 1960-х. Вот так и меняют архитектуру человеческие истории, — воскликнул бы, наверное, Паша Зязев. Не меньше, чем деревья, бывшие когда-то слабыми крохотками и вымахавшие чуть не до крыш! Как вот эта черемуха — высоченная, сплошь покрытая белым цветом, она напоминала невесту-перестарку, но благоухала, как молодая.

Хлопнула дверь подъезда, в который будто бы шла Юля, и молодая мать обернулась с недовольным лицом, ведь младенец только-только заснул. Мужчина среднего роста, но ладный, с прямой военной спиной, поравнялся с Вогулкиной и вскинул левую руку, продемонстрировав блестящие часы на запястье. Костюм, галстук, остроносые туфли.

— Здравствуйте, — он кивнул ей по-доброму, как соседке. Юля тоже кивнула, и мужчина, заметно раскидывая при ходьбе носки в стороны, свернул в соседний двор.

В соседнем дворе, как вскоре выяснилось, не было ничего интересного. А вот мужчину этого Юля почему-то запомнила — вместе с черемухой, фонтаном и матерью с младенцем на скамейке. Запомнила и не удивилась, когда его внешний облик соединился с именем на визитной карточке. Тонкие губы, борода в виде пикового туза, внимательные голубые глаза...

— Конечно, я дам вам интервью и расскажу об институте, и о «Доме чекиста»! — сказал Олег Аркадьевич по телефону. — Давайте встретимся в пироговой «Штолле», на Горького, 7а, знаете, где это?

Вогулкина не знала. Не было у нее финансовых возможностей ходить по пироговым.

Ясной объяснил дорогу, сказал, что будет ждать ее внутри за столиком. И что она узнает его по бородке и светло-серому костюму.

Паша составить ей компанию отказался, поэтому в «Штолле» Вогулкина явилась одна и в дурном настроении.

— Мы с вами раньше не встречались, Юлия Ивановна? — спросил Олег Аркадьевич, восстав над столом для приветствия. — Я совершенно уверен, что видел вас раньше, но не помню, где. А у меня очень хорошая память на лица.

Юля хотела сказать, что да, встречались, буквально третьего дня во дворе «Дома чекиста», но почему-то не решилась и только неопределенно пожала плечами.

Ясной заказал два больших куса брусничного пирога и какой-то странный кофе с привкусом. «Кофе с глупостями» — так называл подобные напитки Юлин папа.

Платить, как она надеялась, будет Олег Аркадьевич, но пирог на всякий случай решила не трогать, хотя выглядел он весьма аппетитно.

— Не любите сладкое? Там еще с рыбой есть, — забеспокоился Ясной.

— Да я просто не голодная, — соврала Юля, хотя у нее довольно громко урчало в животе.

— Ну как угодно. А вы без диктофона?

— У меня память хорошая, — очередное вранье, как же она забыла про диктофон! — Буду в блокноте фиксировать основные моменты.

— Ну хорошо, только потом покажите, что у вас получится.

О своем частном институте Ясной рассказывал скупое, без охоты. Выдавал какие-то общие, банальные сведения. Кто там еще кроме него числится, не сообщил. Юле не попадались прежде такие собеседники, виртуозно направлявшие беседу в желанное им русло. Ни на один ее вопрос Олег Аркадьевич не ответил прямо, постоянно улетал то в прошлое, то в будущее.

Она все-таки попробовала пирог — ужасно вкусный! — и сама не заметила, как он исчез с тарелки. Олег Аркадьевич сделал вид, что не заметил, с каким аппетитом «журналистка» подбирает корочкой загустевшую брусничную начинку.

Ясной рассказывал о своих корнях, семье, родственниках, и Вогулкину не оставляло странное чувство, что он привирает. Если не врет вообще обо всем.

Начал с того, что состоит в родстве с разными благородными семействами.

— Я внук генерала Игнатьева и Сталина по линии Сванидзе. Так уж совпало. Еще Лиля Брик — тоже наша. Мой прапрадед разрабатывал проект первого российского парохода. Бабушку рисовал Илья Ефимович Репин, портрет находится в моей собственности, но не здесь, в Москве. У меня несколько квартир в Москве и здесь тоже есть. В «Доме чекиста».

Юля наострила уши, перестав рисовать в блокноте домик с заборчиком (рисунок был почти готов).

— Вот прямо сейчас пишу книгу об этом доме. Там невероятные истории! Знаете, я давно хотел сосредоточиться на увлекательной исторической журналистике. Раньше был чиновником, сделал успешную карьеру, но надоело. Все надоело! Уволился в один день и решил — буду жить на ренту. О, это ко мне!

Отодвинув стул, Ясной замахал рукой молодому человеку, озиравшему зал.

— Курьер, — сказал он Вогулкиной, никогда не выдавшей такого явления вживую. Молодой человек вручил Ясному небольшой пакет и, приняв чаевые, удалился. Олег Аркадьевич достал из пакета коробку и нетерпеливо распечатал ее. Там были настольные часы — не очень-то с виду ценные, хотя кто их знает.

— Это из моего дома в Москве, — сказал Ясной.

Не очень понятно было, зачем часы ему понадобились именно теперь, и почему нужно было вызывать курьера в «Штолле».

Чем дольше они сидели в пироговой, тем более странным казался Юле ее собеседник. Очевидно, что никакого интервью из этого монолога не вышло бы даже в том случае, если бы она вправду собралась его делать. Но Олегу Аркадьевичу так, по всей видимости, не казалось — и он продолжал свой рассказ.

— Я еще в родстве с Марком Шагалом, но уже в отдаленном. Есть пара его работ, тоже в Москве, а то показал бы. Малоизвестные картинки. Это моя страховка на случай внезапной бедности. Сразу купят — и Сотбис уже засылали ко мне, и Кристис. Я предпочитаю Кристис. Хотите еще пирога?

У Юли к тому времени случилось полное засорение мозгов — Лиля Брик, Сталин по линии Сванидзе, генерал Игнатьев (кто он такой, кстати? Спросить неудобно) плясали в ее бедной голове. А теперь еще и Шагал!

— Может, прогуляемся? Что-то вы бледненькая стали. Пойдемте в сторону моего

дома, да вы не бойтесь, не смотрите так на меня! Я вам расскажу о нем что-нибудь интересное. Для интервью.

Вогулкина, конечно, согласилась — ее уже подташнивало от запаха пирогов.

Вышли на улицу, рухнули в цветущий май. На свежем воздухе Юле стало чуть легче. Оголтелые пляски в голове (Сталин — как вертящийся дервиш, Шагал — вприсядку, Лиля Брик вальсирует с генералом Игнатьевым) прекратились. В конце концов, всякое бывает. Если ты выросла в обычной советской семье (инженер и врач), это не значит, что кто-то другой не может похвастаться более раскидистым и благородным генеалогическим древом.

— Хотите мороженого? Вам какое? О, я тоже люблю пломбир без шоколада. Приятного аппетита.

Повторяли Юлин маршрут третьего дня. Слева — шахматисты с букинистами, справа — ребяташки с самокатами. Первая лодка на пруду. Закатное небо, наливавшееся брусничным цветом, как давешний пирог. Яблоневый цвет припахивал ладаном.

Мороженое ели молча, но когда поравнялись с девятой гимназией, Ясной сказал:

— Я учился в этой школе. Собственно, все мои родственники по местной линии здесь учились. А некоторые даже работали. Онисим Клер, например. Легендарный швейцарский ученый-ботаник. Тоже наш.

Юля, не выдержав, хрюкнула. Только легендарного ботаника не хватало! Швейцарского, разумеется. Обычный не подойдет.

Ясной вдруг взял ее легонько за рукав. Остановились.

— Смотрю я на вас, Юлия Ивановна, и понимаю, что вы мне не верите. Я и сам, честно сказать, не поверил, когда открыл все эти факты о своей семье. Но это чистая правда! Я потом покажу вам документы. И генеалогическое древо со всеми подробностями.

— И картины Шагала покажете?

— И картины покажу, — не моргнув глазом сказал Ясной. — В Москве часто бываете?

Ворота, в которые Юля не могла проникнуть в прошлый раз, и сегодня были на замке, и Олег Аркадьевич смутился:

— Вот напасть! Я, кажется, забыл ключи от дома в институте. У меня привычка запирать их в сейфе, а сегодня рано ушел. Тьфу ты!

— Как же вы домой попадете?

— Ну как? Поеду за ключами в институт. Придется такси брать, машина моя в ремонте. Я на днях попал в небольшую аварию на Мельковской.

Он говорил уверенно, быстро, не задумываясь даже на секунду, и смотрел при этом Юле в глаза.

К воротам изнутри подошел мальчик с велосипедом. Нажал на кнопку, двери поехали в стороны.

— Придержи для нас, — крикнул ему Ясной. — Спасибо, Тимоша. Ты ведь Тимоша, правильно?

— Да, — улыбнулся мальчик, придерживая двери и роняя при этом велосипед. Ясной бросился помогать Тимоше, а Юле стало вдруг стыдно. Она ведь совсем не знает Олега Аркадьевича. Ну да, ей не нравятся его узконосые туфли и манера прищелкивать пальцами при ходьбе, и в легенду о генерале не верится, но это все равно не повод обвинять его в огульном вранье. Тимошу же он не придумал!

— Пойдемте скорее, Юлия Ивановна, что вы там топчетесь? — Ясной был уже у фонтана, чуть не подпрыгивал на месте от нетерпения.

— Может, будете звать меня просто по имени?

— Хорошо, — с легкостью согласился Олег Аркадьевич. — Пойдемте, Юля. Вот в этом самом дворе для пионеров «Дома чекиста» устраивались собственные

торжественные линейки. Представляете? У них была своя дружина, пионервожатая, комсорги... На одной из линеек, 22 апреля, перед детьми выступал Пётр Захарович Ермаков, рассказывал о своем участии в расстреле Николая Второго.

— Вы с такой симпатией о нем говорите, — не утерпела Вогулкина. Цареубийцы лично ей казались отвратительными.

— Называть человека по имени-отчеству — это не значит симпатизировать, — возразил Ясной. — Ермаков был, кстати, чудовищно неграмотным человеком. Я читал его воспоминания. Потом он сошел с ума на почве Анастасии Романовой и однажды обознался здесь, во дворе. Принял за Анастасию жену одного генерала, открыл стрельбу из именного браунинга. Одна пуля рикошетом ударила в генеральского шофера, еле откачали! А дело тут же закрыли.

— Это вам кто рассказал?

— Соседи. Я же здесь со всеми перезнакомился, столько интересного от них узнал. Есть расшифрованные записи бесед, хотите почитать?

— Хочу. А вы с ними только сейчас перезнакомились, или сразу, как сюда переехали?

— Юля, вы меня определенно в чем-то подозреваете, — мягко сказал Ясной. — Я как будто все время должен перед вами оправдываться, и мне это, честно говоря, странно. Как-то не по протоколу, что ли! Я же вам сказал, что у меня жилая площадь не только здесь, но и в Москве, и, вы удивитесь, в Америке. Живу то там, то здесь. Я, кстати, американский гражданин, не только российский... А от соседей уникальные сведения получил, вот правда! Здесь проживал такой писатель-фронтовик Саливанчук, близкий друг Павла Петровича Бажова, так я с его сыном познакомился. Он рассказывал, как Бажов сюда в гости приходил. Да здесь столько народу перебивало! Индира Ганди, Фидель, Мао... А помните стихотворение Сергея Михалкова «Мы с приятелем»? Он его здесь придумал, вот прямо здесь!

Ясной постучал по бортику фонтана — и Юля поневоле представила, как автор государственного гимна сидит здесь, прикусив дужку очков, и быстро-быстро заносит в блокнот стихотворные строчки.

— Мы с приятелем вдвоём
Замечательно живём!
Мы такие с ним друзья —
Куда он,
Туды и я!

— Туда, — машинально поправила Вогулкина. У нее сильно кружилась голова.

— В оригинале было «туды», — сказал Ясной. — Я специально консультировался. Вот здесь, смотрите, в конце сороковых стояла будка Пирата, общего пса детворы. Его потом убил местный столяр, кто-то ему сказал, что туберкулез надо лечить собачьим жиром, а у него сынок был болеющий. И дети нашли потом выпотрошенную шкуру своей собаки, с головой. Всё было присыпано известью. Добрый вечер, Марина Яковлевна!

Олег Аркадьевич так приветливо кинулся навстречу полной пожилой даме в цветастом костюме, что едва не сбил ее с ног.

— Здравствуйте, — дама держалась прохладно. — Все интересуетесь нашим Домом?

Ясной слегка, нерезко дернулся.

— Таким домом, как *наш*, нельзя не интересоваться, — ответил он.

— А мне вот Клавдия Александровна рассказала, будто бы вы евро-окна по льготной цене предложили ей сделать? Если хорошие окна и быстро сделают, так я

тоже заинтересована. Вы заглянули бы ко мне с обмерами! Я сейчас до булочной и сразу обратно. Забыла хлеба взять.

— Загляну, — Олег Аркадьевич проводил взглядом соседку, даже не переваливающуюся с ноги на ногу, а как будто переливающуюся благодаря своему цветастому костюму в воздухе.

— Окна? — развеселилась Юля. — Про окна вы мне еще не рассказывали.

— А разве можно целую жизнь пересказать за два часа? Мою точно нельзя, — улыбнулся Ясной. Как ни странно, эти его слова прозвучали правдиво, возможно, потому что и были правдой.

— А мою можно, — сказала Юля.

— Это потому что вы еще молоды. Покоптите небо с мое... Окнами я занимаюсь не всерьез, есть у меня маленькая фирмочка. Если кому интересно, имейте в виду. О, я же вам не дал свою визитку!

Вот в тот момент Юля и вытащила ладонь из растянутых рукавов свитера, который проклинала с утра — надо же было вырядиться в такой жаркий день! Приняла визитку с золотыми буквами, а следом еще одну — красно-белую, где Олег Аркадьевич Ясной был указан уже как директор фирмы «Окна в мир». Номера телефонов, обратила внимание Вогулкина, были одинаковые, хоть и набранные разным шрифтом. (Вторая визитка не сохранилась).

— А вы случайно не знаете, в какой квартире застрелился второй секретарь обкома Пшеницын? — спросила Юля.

— В двадцать третьей, вон там, — показал пальцем Ясной. — С тех пор «Дом чекиста» стали называть «пастью дьявола, пожирающей людей». Что вы опять так на меня смотрите, Юля? У меня отменная память.

— А вы случайно не забыли свои особо ценные часы в ресторане?

— Ну что же вы мне не напомнили, Юля? Теперь придется возвращаться в «Штолле».

— И потом за ключами в институт?

— Да, и за ключами в институт! А во-он с того балкона, видите, на голову первого секретаря обкома Андрианова нагадила свинья! В 1943 году это было. Многодетные там жили, отец на фронте у них был. И бабушка додумалась взять поросенка. Жил он в ванне, а гулял на балконе. И прямо на дорожную шляпу Андрианову сделал свои дела!

Подошла, переливаясь в лучах заката, Марина Яковлевна с булкой «уктусского» под мышкой. Ясной галантно взял ее под руку с другой стороны и махнул на прощание Вогулкиной:

— Не забудьте прислать интервью перед публикацией.

Юля обернулась, покидая двор, потому что до нее, кажется, долетел смеющийся голос Ясного:

— Эти журналисты, с ними глаз да глаз!

Вернулся с прогулки Тимоша, кивнув Юле, как доброй знакомой. От него, как от чермухи, пахло медовым пирогом.

3

В следующий раз Вогулкина увидела Олега Аркадьевича через два с половиной года. Были тогда уже совсем другие пироги — и в прямом, и в метафорическом смысле.

Они с Пашей уже окончили университет, Паша стал жить с Алёной, и Алёну эту от Юли скрывал. На свадьбу, во всяком случае, Вогулкину не позвали. Делали вид, что не было никакой свадьбы. Научный труд о «Доме чекиста» тоже увял на корню: Зязев к его истории охладел сразу после того, как Юля подробно рассказала ему о загадочном Олеге Аркадьевиче и его изысканиях.

— Я никогда не умел быть первым из всех, но я не терплю быть вторым, — процитировал Гребенщикова. Паша считал, что у БГ есть цитата на любой случай жизни. У БГ, Шекспира и Высоцкого.

И Пушкина, подумала тогда Юля, а вслух ничего не сказала.

Рассказ про Ясного Паша выслушал с интересом, но встретиться с ним тогда не захотел.

— Чудак какой-то, — сказал он. — Сын лейтенанта Шмидта.

Юля решила, что Зязев, наверное, прав. Мало ли странных людей в Екатеринбурге, особенно по весне, это же не повод относиться к каждому всерьез! Но что-то не отпускало ее мыслей от Ясного, ведь даже если он был настоящий аферист-авантюрист, все равно какое-то здоровое зерно в его историях имелось. И как убедительно, как ловко он складывал на ходу вранье и факты!

— Может, он тебе понравился как мужчина? — спросила подруга, которой Вогулкина открылась по чистой случайности.

— Да вроде нет, — сказала Юля. Если честно, ей никто не нравился как мужчина, кроме Паши Зязева, с которым они стали в конце концов любовниками. Лет пятнадцать все это у них продолжается.

А тогда, после памятного похода в «Штолле», Вогулкина несколько лет провела в сетевых раскопках — читала про Шагала, Лилию Брик и генерала Игнатьева (их два оказалось, отец и сын: оба выдающиеся). Нашлась даже записка про «мнимых потомков генерала Игнатьева», но у Юли дома не было принтера, распечатать записку сразу она не смогла, а потом та исчезла, как если бы ее и не было.

Ясному Юля позвонила через пару дней, заранее страдая от того, что придется врать. Но у Олега Аркадьевича сработал автоответчик — и Вогулкина, малодушно лгуя, скороговоркой сообщила, что интервью, к сожалению, не выйдет, так как газету, для которой планировался материал, внезапно закрыли.

Лгала она не так убедительно, как Ясной — к тому же он-то не лгал, а привирал. Делал жизнь интереснее, чем она есть на самом деле.

А снова увиделись они в музее писателей Урала, куда Паша устроился на работу еще до окончания университета. Юлю он с собой не позвал, там ставки для нее не было. Вообще нигде для нее тогда ставки не было, и она начала потихоньку проводить свои собственные экскурсии по Екатеринбургу — рассказывала об истории храмов, о царской семье. Потом закончила курсы, получила свидетельство гида. Сделала свой особый маршрут «про художников» — Эрнст Неизвестный, Волович, Брусиловский, Метелёв, Калашников... Букашкин, разумеется. Народ не то чтобы прямо валил к ней на эти экскурсии, но понемногу зарабатывала. На жизнь уходило немного — об отдельной квартире, спасибо им, позаботились родители. Папа и сейчас подкидывал Юле то пять, то десять тысяч «на глупости». Но расстраивался, конечно, что она и замуж не вышла, и карьеры не сделала. Мама по-прежнему наивно верила, что дочь однажды «всем покажет», а сама Юля чем дальше, тем чаще вспоминала своего именного двойника, кудрявую мартышку из 4 «б». Гадала, как-то сложилась жизнь у нее?..

В музей писателей Урала Юля тогда прибежала сразу после окончания экскурсии по Храму-на-Крови. Была очень расстроена, потому что в храме ее отчитали за то, что «отбирает хлеб у местных гидов». Хотелось, чтобы Паша пожалел, посочувствовал, но он, как назло, спешил домой: у Алёниной мамы был день рождения.

— А ты сиди здесь сколько хочешь! — Паша бросил на стол ключ от своего кабинета. — Потом оставишь на вахте. Всё, я поскакал!

Поддернул штаны неловким движением (для кого-то смешным, для Вогулкиной — любимым), чмокнул в губы и был таков.

Юля осталась в чужом, но при этом невыносимо родном (ведь Пашин!)

кабинете — не столько обиженная, сколько разом обессиленная. Вокруг не было ничего интересного: это вам не иностранный фильм, где даже второстепенный персонаж имеет на рабочем столе фото любимой жены. К тому же эта Алёна, ухо окаянное, пренебрегала соцсетями, так что Вогулкина только гадать могла, как она выглядит.

Представила её с лицом своего двойника — вёрткую, большеротую, волосы бараньим руном. Отогнала видение, как муху. И уже совсем поднялась было с места, чтобы идти домой, когда в дверь постучали.

Грифельно-серый на этот раз костюм, галстук в тон, расстегнутое длинное пальто. Губы над пиковой бородкой расползаются в улыбке.

— О! — сказал Ясной. — Теперь-то я вас точно ни с кем не перепутаю. Здравствуйте, Юлия Ивановна! — (Опять она стала Юлия Ивановна.) — А вы здесь какими судьбами?

Оказалось, что Зязев назначил Олегу Аркадьевичу важную встречу в музее и забыл о ней с той же легкостью, с какой и назначил.

— Мне нужна краеведческая справка о писателе Саливанчуке, — сказал Ясной, недовольно обшаривая взглядом кабинет.

— Сейчас всё узнаем. — Вогулкина от радости, что можно позвонить Паше на законных основаниях, кинулась за телефоном с такой прытью, что запнулась о чугунный бюстик Бажова, венчавший стопу методичек.

И легла на пол плашмя.

Ясной поднял Вогулкину с пола. Отряхнул от пыли. Прикосновений его пальцев Юля почти не чувствовала. Может, потому что все болело?

— Руки-ноги целы? Ну-ка пошевелите вот так пальцами.

Осмотром остался доволен.

— Жить будете. Но с синяками. В ближайшее время.

— А вы еще и врач, разумеется, — простила Вогулкина.

— Окончил два курса медицинской академии. Кое-что помню.

Юле после подножки Бажова звонить кому бы то ни было расхотелось. Павел Петрович как-то очень быстро вернул ее с небес на землю.

— Не беспокойтесь, Юлия Ивановна, — сказал Ясной. — Я сам ему сейчас наберу. Я ведь, знаете, уже почти закончил ту книгу, про «Дом чекиста». Придете на презентацию? Их будет как минимум три — в Доме книги на Валека, в музее каком-нибудь, ну и в Москве обязательно.

Говоря все это, Олег Аркадьевич расхаживал по кабинету Паши, зорко вперяясь взглядом то в часы (ничем не примечательные!), то в календарь с красным «окошечком». Вел себя как человек, который что-то потерял в этом кабинете, но не теряет надежды найти.

У Юли страшно болели правое колено и правый локоть, она мечтала теперь уже только о том, чтобы уйти отсюда — и увести с собой Ясного от греха. Но он, похоже, никуда не спешил.

— А вот у вас здесь чайник даже имеется, — удивился гость. — Сообразим по чашечке?

Юля хотела признаться наконец что она здесь не работает, а оказалась в Пашином кабинете исключительно благодаря своей глупой влюбленности. И все же промолчала. Похромала набирать воду из кулера, но Ясной галантно отобрал у нее чайник.

— Сидите, вы же раненая!

Пальто свое длинное он, между прочим, так и не снял, хотя в кабинете было тепло. И Юле вдруг показалось, что подклад при ходьбе отсвечивает чем-то металлическим.

Браунинг? Именной, как у Ермакова?

Скорее всего, она сильнее, чем думала, ударилась головой. Это была всего лишь пряжка ремня, не подходившая, как решила Вогулкина, костюму.

Пока пили чай, сам собой отыскался Зязев. Позвонил Ясному с извинениями.

— Никуда не уходите, я прямо сейчас приеду. Справка ваша готова, но я ее с собой случайно увез. Юля там еще? Дайте ей трубочку.

Юля отозвалась с печальным достоинством.

— Ты чего такая смурная? Ладно, потом расскажешь. Он тебя слышит сейчас?

— Да.

— Говори так, чтобы он не понял, о чем речь. Сможешь?

— Не уверена, но попытаюсь.

— Короче, с этим дядей нечисто. И до меня только теперь доперло, это же тот самый, который тебя водил тогда в «Штолле»?

— Да.

— Мне только что звонили из ФСБ. Какой-то капитан Ваулин. «Капитан Воронин жевал травинку и задумчиво смотрел вокруг...» Сказал, что ко мне, дескать, обратился на днях такой-то. Просят проявить по отношению к нему максимальную предусмотрительность. Вот я и думаю, это что значит? Он с ними работает? Или он у них под колпаком? Блин, Юля!

— Что случилось?

— Я дебил! Я же по его собственному телефону все это излагаю. Его наверняка слушают. В общем, никуда не отпускай его, через двадцать минут буду.

Приехал Паша только через час, но искусственно задерживать гостя в музее не пришлось — Ясной и сам не спешил прощаться. Развлекал Юлю историями о своем детстве, распределенном между Пермью, Свердловском и Москвой. В Перми он посещал балетное училище, в Москве успел поучиться у Эрнста Неизвестного, в Свердловске занимался японским языком с агентом КГБ, отставным разведчиком.

— Но вы же понимаете, Юлия Ивановна, что отставных разведчиков не бывает?

Когда Зязев возник на пороге, деликатно посыпанный по плечам снегом, как сахарной пудрой, Вогулкина кинулась ему навстречу, позабыв о коварстве чугунного Бажова — и чуть не запнулась снова. Но устояла.

— Да что же это с вами сегодня! — всплеснул руками Ясной.

Паша привез с собой завернутый в пергаментную бумагу рыбный пирог (невидимая Алёна в дополнение ко всем своим способностям еще и отлично готовила) и бутылку водки «Журавли». Начал доставать из шкафчика стаканы, тарелки, пачку салфеток в надорванной упаковке — и тут же все поронял. «Какой же он все-таки нелепый, — с нежностью подумала Юля. — И как же они непохожи с Ясным!» Есть двойники, а есть — антиподы, вот Паша был совершенным антиподом Олегу Аркадьевичу. Мягко отстранив Зязева, Ясной аккуратно разложил пирог по тарелкам, не уронив ни крошки, и тут же сморщился:

— К несчастью, я не смогу попробовать. Здесь лук, а я его не терплю ни в каком виде.

Юля глянула на Олега Аркадьевича с благодарностью. Не будет нахваливать Алёнин пирог! Даже кусочка не возьмет.

Впрочем, уже через пять минут от благодарности не осталось и следа. Олег Аркадьевич рассказывал Паше свою биографию заново — и за два года в ней произошли заметные изменения. Лиля Брик и Шагал куда-то исчезли, зато появился Колчак и укрепился генерал Игнатьев (какой из них был дедом Олега Аркадьевича, не уточнялось, возможно — сразу оба, отец и сын).

— «В каждом порту меня ждет сестра, хочет меня спасти», — шепнул Паша на ухо Вогулкиной, когда Олег Аркадьевич вдруг отвлекся на свой телефон.

— О, — сказал без всякого выражения. — Фээсбэшники звонят. Обещали пропуск в архив на Лубянке. Обещали — сделали! Ну, друзья мои музейные, мне пора.

Паша слегка побледнел.

— Вы справку не забудьте. Я сейчас файл найду... И если что еще потребуется, только скажите.

— Да, спасибо вам, Павел Германович. И вам, Юлия Ивановна. Вы уж поберегите себя, пожалуйста. Под ноги смотрите внимательнее! Между прочим, я бы вам посоветовал сменить в помещении окна.

— Окна? — Зязев выглядел совершенно растерянным.

— Ну да. Сквозит холодом. Я по хорошим расценкам работаю, своих вообще никогда не обманываю.

— А чужих? — спросила Юлия.

— Ну вот, опять за старое, — засмеялся Олег Аркадьевич. — Не питает ко мне, Павел Германович, доверия Юлия Ивановна! Почему-то она считает меня обманщиком. Ну да ладно. Может, еще когда-нибудь увидимся, бог даст.

Олег Аркадьевич ласково посмотрел на Вогулкину, прежде чем закрыть за собой дверь. А Паша тут же повернул в двери ключ и бросился на Юлю так, словно не из дома сюда пришел, а с войны.

От Паши сильно пахло луком, но это ничего не испортило.

4

У Гребенщикова в каждом порту живет сестра (хочет его спасти), а при каждом архиве обязательно найдется кто-то из ФСБ. Волков, позапрошлогодний знакомый с площади Труда, напрямую сказал, что именно через него капитан Ваулин вышел на Зязева.

— Они давно, оказывается, пасут Ясного, а он скользкий, как уж. Или как угорь? — Зязев засомневался в точности сравнения.

Они лежали на страшной кровати в страшной почасовой квартире, за которую заплатила Вогулкина, потому что у Зязева сегодня «не было с собой налика». Своего собственного жилья у Юли тогда еще не имелось, а у Паши дома сидела невидимая Алёна.

Юля прижимала к груди драгоценную Пашину голову, целовала вспотевший от усердия лоб. Потом обвилась вокруг него, точно как угорь. Или уж.

— Еще раз? — благодушно спросил Паша. — Ненасытная ты, Юлька.

И заговорил про архив, ФСБ и Ясного.

Очень романтично!

А потом, придвигаясь все ближе, стал вдруг расписывать свою семейную жизнь. Сообщил, что Алёна сексом не особенно интересуется, она «серьезный ученый». Юля хотела спросить, как одно связано с другим, но промолчала — не потому, что этот вопрос был неуместен, а потому что Паша, говоря о жене, вел себя так, будто был вообще ни разу не связан никакими узами. Будто бы он родился на свет исключительно для того, чтобы радовать Юлю Вогулкину.

И каким таким серьезным ученым была Алёна, осталось невыясненным.

— Мне пора, — спохватился Паша, и они оторвались наконец друг от друга. — Слушай, Юльк, у тебя ведь мать в «Гармонии» работает? Она не может мою Алёнку пристроить на обследование?

— Наверное, может, — растерялась Юля. — Я спрошу.

— Спроси. Живем уже три года, детей все нет. Она переживает.

— А ты?

— Ну и я, конечно, тоже. Если получится бесплатно, будет вообще супер. Я отплачу, ну ты знаешь. Отдам мелкими услугами.

Юля тем же вечером спросила маму, сможет ли она помочь ее «близким друзьям».

— Разумеется, пусть приходят. Только обязательно вместе. А что за люди, я их знаю?

— Паша мой однокурсник, Алёна его жена.

— Тот самый Паша, с которым вы раньше дружили?

— Мы и сейчас дружим.

— Ну-ну, — сказала мама. Юля была ей благодарна за то, что мать не стала расспрашивать дальше, а просто объяснила, в какой кабинет «подойти». И о визите Зяевых в «Гармонию» она тоже впоследствии не распространялась. Но визит, судя по всему, помог, потому что Алёна вскоре забеременела. Васе, их сыну, сейчас десять лет, и он тоже невидимый. На фейсбуке суеверный Паша свою семью не показывал. А жена его Алёна с тех самых пор и стала для Юли неотъемлемой частью Зяева — как ухо или глаз. Нельзя ведь отнять у любимого человека ухо или возненавидеть его. Даже если оно мешает тебе жить.

— Ты же знаешь, что о «главном не пишут в газетах, и о главном молчит телеграф»? — так сказал ей однажды Паша вместо желанного «я тебя люблю», отвергнутого по причине заезженности.

...Юля все никак не могла выпустить из рук ту фотографию, где она и Ясной были запечатлены для вечности на фоне «Дома чекиста». Оба вышли не слишком удачно — Вогулкина моргнула, Олег Аркадьевич с открытым ртом. Но капитана Воронина дефективное фото вполне устроило: он поблагодарил Зяева за помощь, а Юлю — за содействие (чем одно отличалось от другого, полковник не объяснил, но, видимо, отличалось).

Паша напечатал тогда два экземпляра этой фотографии: один для ФСБ, другой на память Юле. Зачем ей такая память, десять на пятнадцать, глянцевая бумага? Двор «Дома чекиста» был еще голый, без зелени, самое начало марта, повсюду сугробики-гробики, но Ясной стоит почему-то без шапки.

— Да, это он, — улыбнулся капитан Воронин. — Вот чертяка!

Юлю поразило, с какой симпатией он говорит о Ясном: нежность охотника к уже пойманной дичи? И почему он не спешит, не бежит арестовывать Олега Аркадьевича прямо сейчас, если он и в самом деле «мошенник-аферист широкого спектра»?

Но Воронин будто бы никуда не спешил, переносил уже согласованные встречи, внезапно отменял совещания, самым же и назначенные, а потом внезапно появлялся, например, на Юлиной экскурсии, и она начинала заикаться, путаясь в именах-отчествах известных художников.

— У вас картиночка вверх ногами! — сказал капитан Воронин во время одной такой экскурсии. Как он появился среди прочих слушателей, Вогулкина не заметила, — когда спускались по Энгельса, его не было, но на Красноармейской уже светилась приветливой заботой знакомая улыбка.

Юля с трудом довела экскурсию до конца, распустила людей на углу Куйбышева-Белинского. Одна странная женщина (она пришла с котом, держала его на руках, как ребенка) принялась допытывать Юлю вопросами, но в конце концов ушла и она (кот через плечо строго смотрел на Вогулкину и капитана ФСБ, а тот молчал, спокойно улыбаясь).

— Вы пришли ко мне поговорить о Ясном? — спросила Юля. — Почему вы его не арестовали? Ведь мы с Пашей даже фото специально сделали по вашей просьбе! Он так не хотел сниматься, вы представить себе не можете, чего мне стоило его уговорить...

На самом деле Олег Аркадьевич упирался недолго, и вообще, он еще по телефону звучал радостно, а уж когда явился на встречу с Юлей и Пашей, вовсе расцвел.

— Мои музейные друзья! — с чувством сказал он, по-хозяйски открывая им ворота во двор. — Как я рад вновь вас видеть!

Рассказал, что теперь может считать себя их полноправным коллегой, поскольку начиная с прошлой недели возглавляет клуб друзей краеведческого музея.

— У меня к вам просьба, Олег Аркадьевич, — сказала Вогулкина. — Я никогда не была внутри «Дома чекиста», ни в одной квартире. Мне вот интересно, рамы там распашные или раздвижные?

— Везде разные, — сказал Ясной, внимательно глядя на Юлю. — В моей квартире — распашные. Но пригласить вас в гости прямо сейчас, увы, не могу, хотя был бы рад. Дело в том, что квартира только что обработана от насекомых. Старый жилищный фонд, сами понимаете...

— Клопы, тараканы? — живо откликнулся Паша.

— Всякой твари по паре, — сказал Олег Аркадьевич. — Так что не взыщите, погуляем во дворе. Видите вон те следы на фасаде? Это от пуль Ермакова остались, когда он стрелял в генеральскую жену... Мерешилась ему Анастасия Романова, везде он видел ее двойников.

Юля вздрогнула, будто по спине кто-то провел ледяным пальцем.

— Замерзла? — Паша приобнял ее за плечи, и тут же обвел взглядом двор — вдруг откуда-нибудь выскочат невидимая Алёна с невидимым Васей?

Юля высвободилась из Пашиных объятий не только из-за этого взгляда, но и потому, что Ясной совершенно точно все заметил и правильно определил.

Он вел их в ту часть жилого комплекса, что выходила на улицу Володарского.

— Изумительные фасады, я считаю, — сказал Олег Аркадьевич.

— «Пришедшие, увы, в упадок навсегда», — ответил Паша.

Ясной, судя по всему, был не очень хорошо знаком с творчеством БГ и заспорил с явной обидой:

— Ну почему же — навсегда? Найдем средства, отреставрируем. Это еще будет жемчужина Екатеринбурга, вот увидите! А вот в этом здании, кстати, находилась библиотека, специально созданная для жильцов дома. Впоследствии именно она стала библиотекой имени Герцена, которая на Чапаева, знаете? Между прочим, фонды формировались из собраний книг репрессированных...

Именно в тот момент Паша и попросил Олега Аркадьевича сделать памятное фото.

Ясной не стал отказываться, послушно встал рядом с Вогулкиной, взял ее под руку. И снова она не почувствовала его тела, даже как будто не заметила. Бесплотный дух он, что ли? — рассердилась Юля.

Финал той прогулки удался на славу. Сделав круг по двору, Ясной собирался откланяться у ворот, как добрый хозяин, но тут вдруг его остановила пожилая дама в бордовом пальто, благоухающем средством от моли. Марина Яковлевна, вспомнила Юля. Окна хотела сделать по льготной цене.

— Что же это вы, Олег Аркадьевич, пропали? — соседка воинственно наступала на Ясного, а он делал шажки назад, как в танго. — Я аванс заплатила, ждала в указанное время, а так никто и не пришел. Ни денег, ни окон! И у Клавдии Александровны то же самое! Вы что же это, обмануть нас решили? И сами не показывались с тех пор. Вы в какой квартире-то живете?

— В семнадцатой, — не моргнув глазом сказал Ясной. — А что, к вам никто так и не подъехал? Безобразие. Сегодня же все выясню и позвоню. И вам, и Клавдии Александровне.

— Клавдия уже написала бумагу на вас, — более мирным тоном сказала Марина

Яковлевна. — Мы думали, вы в шестьдесят девятой. Пришли туда, а никто о вас не слыхивал. Сейчас столько мошенства!

— Ну вот, зачем же сразу бумагу? — расстроился Ясной. Поправил пальцем очки, поскреб свою пиковую бородку. — Вы просто квартиру мою неверно запомнили, а потом я уезжал в долгую командировку.

— На два года, что ли?

— Да. Изучал новые технологии в Швейцарии. Оставил дела на подчиненных, но вы правильно сказали: сейчас столько мошенников! Никому нельзя верить.

Окончания разговора Паша с Юлей не дождалась, но Вогулкина готова была поставить передний зуб на то, что расстались Ясной с Мариной Яковлевной добрыми друзьями.

— Ну и кадр, — восторгался Паша. — Ты ему слово, он тебе тридцать!

Юля отмалчивалась, трогала языком передний зуб.

...Вот и капитан Воронин тоже неизвестно почему отмалчивался, как бы выдерживая Юлю на медленном огне нетерпения. Ждал, что она сама поведет разговор. Запутается, выдаст себя, проговорится. Это методика у него была такая, проверенная годами долгой практики и разнообразного опыта. Но Вогулкина, выдав первую тираду-вопрос и, не получив ответа, успокоилась.

— Раз вам нечего сказать, то я пошла. На улыбку вашу я уже насмотрелась.

Воронин тут же нахмурился.

— Вы, Юлия Ивановна, осознаете, с кем связались?

Она тут же вспыхнула: как будто не на медленном огне ее держали, а на максимальном, с риском пожара.

— Я ни с кем не связывалась!

— А почему в результате обыска в так называемом институте истории России советского периода обнаружены ваши личные вещи?

Она так и села.

— Какие вещи?

Воронин стал загибать пальцы, и Юля без всякого желания заметила, что они довольно толстые и заросли волосами чуть не до самых ногтей.

— Книги, выданные вам в библиотеке Уральского государственного университета, это раз. Кулон золотой в виде бабочки, это два...

Третий волосатый палец завис в воздухе, но Юля перебила капитана:

— Я действительно потеряла кулон и даже писала об этом объявление в университете, чтобы, если кто найдет, вернули, но при чем здесь Ясной?

И осеклась, вспомнив. Золотая бабочка, подарок родителей на восемнадцатилетие («Порхай по жизни, дочка, но выбирай самые лучшие цветы!»), была у нее на шее в тот день, когда они с Олегом Аркадьевичем ели пироги в «Штолле». Она не заметила пропажи сразу, хватилась через несколько дней — и подумала, что просто обронила ее где-то. Честно сказать, бабочку эту Вогулкина никогда не любила, но это был подарок, поэтому она и написала объявление.

И книги — точно ведь, она оставила их в музее, когда прибежала туда с экскурсии, а потом, со всеми этими падениями и пирогами, забыла взять. А когда стали искать, уже спустя неделю, никаких книг там не было, и Юле пришлось заплатить в библиотеке немаленький штраф.

— Я по вашему лицу теперь вижу, что вы действительно ничего не знали, — мягко, с каким-то даже сочувствием сказал капитан Воронин. — И поэтому ответу на ваши вопросы. Ясного мы не взяли. Готовили операцию, но он успел выехать из квартиры — жил он, кстати, не в «Доме чекиста», а рядом с автовокзалом, снимал комнату на Щорса. Выезжал в спешке, но успел оставить на столике ваш кулончик. И записку: «Передать Юлии Ивановне Вогулкиной с нежным приветом».

— С нежным приветом?!

— Именно так. Мошенник, известный вам под именем Олега Аркадьевича Ясного, а нам — под целым рядом других имен, любил трофеи. И никогда их раньше не возвращал. Зацепили вы его чем-то, Юлия Ивановна... Повезло вам, что не вышли за него замуж, как другие.

— Какие другие? Где он сейчас находится?

— Как я полагаю, подозреваемый в преступных действиях покинул Екатеринбург. Возьмите ваш кулон... в виде бабочки.

5

Настоящая фамилия Ясного была прозаическая — Кузин. Михаил Сергеевич, как Горбачёв. В уголовных делах проходил также под именами Ивана Соломатина, Андрея Игнатьева, Ильи Спиридонова, Юрия Лившица, Абрама Зильдовича и так далее. В синагоге, по словам капитана Воронина, его знали чуть ли не как главного еврея Свердловской области, в епархии сказали, что Ясной очень активно сотрудничал с ними, когда сгорел в очередной раз один из храмов на Ганиной Яме.

— Сгорел до сотрудничества или после? — не удержалась Юля. — А с мусульманами он как-то взаимодействовал? С буддистами?

Воронин хмыкнул. Странно, он вовсе не выглядел расстроенным, как любой другой бы на его месте — такая крупная рыба сорвалась и даже кусочка губы на крючке не оставила! А капитан (почему он всего лишь капитан, кстати? Не самое высокое звание, если Юля правильно помнит) был как будто даже довольным. Можно сказать, гордым, как родитель, отпускающий взрослого сына в свободный полет.

— Вы знаете, сколько лет Кузину? — спросил Ваулин весело.

— Тридцать? Тридцать пять?

— Полтинник!

— Не может быть! Никто не может выглядеть так молодо в полтинник.

— Никто, кроме Кузина.

Ваулин с нескрываемым восторгом рассказывал о жизненном пути Михаила Кузина, уроженца города Реж Свердловской области. Рос в неполной семье (мать — учительница), очень любил читать, увлекался историей, посещал театральный кружок при местном Доме культуры. В шестнадцать лет, не окончив школы, ушел из дома, оставив матери записку — чтобы не искала и не волновалась.

Спустя несколько лет в Свердловске генерал МВД, проживающий со своей семьей в «Доме чекиста», увидел из окна, как его уже не очень юную дочь провожает до подъезда кавалер. Выправка кавалера генералу понравилась, спину он держал прямо, а руки, между прочим, не распускал. (Хотя мог бы и распустить — дочь засиделась в девках).

Дальнейшее сверху было разглядеть затруднительно.

Дочь у генерала была единственная, он над ней трясся больше, чем над своей карьерой.

— Познакомись с избранником, Аннушка? — спросил генерал. — Кто таков, кстати? Как звать?

Аннушка сказала, что молодого человека зовут Илья Спиридонов — он военный врач, родом из Ленинграда. У Ильи очень хорошая семья. Одна бабушка — переводчик с древних языков, другая — родственница Достоевского по линии первой жены. Дед был художником. Отец погиб на фронте, мама — блокадница. Есть младшая сестра Агния. В Свердловск Илью направили по распределению, он работает в 354-м военном госпитале на Декабристов. Специальность — терапевт.

— Ну что ж, приводи его к нам на ужин, посмотрим, что за терапевт такой, —

сказал генерал. Велел супруге организовать угощение первого уровня (у них в семье для всего были уровни, установленные лично генералом) — с холодными закусками, мясным блюдом и домашним тортом (для сравнения — угощение высшего уровня включало в себя горячую закуску типа «жюльен», бульон в супнице и торт из кафе «Киев», сделанный по спецзаказу).

Илья пришел точно в указанное время, с двумя букетами цветов и бутылкой коньяка. Генералу гость понравился. Ощущалась в нем приятная любому военному человеку склонность к дисциплине, кроме того, он был отличным слушателем, поддерживал компанию в выпивке и вообще вел себя так, как положено серьезному молодому человеку.

— У тебя начальник-то Попов вроде бы? — спросил генерал, пока женщины сутились с чаем.

— Попов это главврач, — улыбнулся Илья. — Я пока рядовой, мне другое начальство положено.

— Ну, если будут обижать, не стесняйся, говори, — по-родственному сказал генерал. — С Аннушкой-то серьезно у вас?

— У меня очень серьезно, — тихо сказал Илья. — У Ани, надеюсь, тоже.

— А лет тебе сколько?

— Двадцать шесть.

— Выглядишь моложе, — заметил генерал.

— Это у нас семейное, — засмеялся Илья. — Отец, уже когда женатый был, откроет дверь слесарю, а тот говорит: «Взрослые дома есть?»

Посмеялись.

После торта генерал пригласил гостя к себе в кабинет.

— Ну, если серьезно у вас, так женитесь!

— Да я готов! — просиял Илья. — Только вот как же мне жениться, если у меня нет ни квартиры, ни машины, ни денег. Аннушка достойна лучшего.

Аннушка, легка на помине, заглянула в кабинет — лицо ничем не примечательное, фигуры, можно сказать, нет, зато прожитые годы разобрать проще простого. Какого она там лучшего достойна, это вопрос высшего уровня!

— Значит так, — сказал генерал. — Денег я вам дам. Женитесь. А пока можешь к нам перебраться, места хватит.

Аннушка просияла, стала почти хорошенькой. Илья покраснел, как мальчишка.

— Так он и есть мальчишка, — сказала ночью супруга. — Нет ему никаких двадцати шести. И о другом как бы не врет, но привирает. Ты бы проверил его, Петя.

Генерал обычно прислушивался к мнению супруги, она была женщина мудрая, кадровиком работала на крупном заводе. Кадровики редко ошибаются. Но не хотелось генералу обижать зятя, тем более, тот очень растрогал его своим скромным чемоданчиком в серую клеточку — с похожим чемоданчиком один юный курсант прибыл много лет назад, к месту своей первой службы, не мечтая о звездных погонах... И вообще, чем дальше, тем четче генерал видел в Илье самого себя — ранимого, одинокого в чужом городе юношу.

Илья чуть не на следующий день после приглашения перебрался в «Дом чекиста» и зажил с Аннушкой одной семьей. Не откладывая, молодые пошли подавать заявление в ЗАГС, но у Ильи какого-то важного документа не оказалось на руках, поэтому отложили на несколько дней.

Супруга вроде бы тоже помягчала слегка, расположилась к Спиридонову — ей ведь тоже хотелось для дочери счастья! Когда узнала, что Петя собирается дать денег на свадьбу и машину (квартира — своим чередом, а на машину очередь подходила), заулыбалась:

— Я тебя сама хотела об этом попросить, но ты прежде меня догадался!

Генерал собрался рассказать супруге о том разговоре с Ильёй в кабинете, но что-то его в тот момент отвлекло. А потом забыл — мало ли у него хлопот да обязанностей по службе!

Вечерами они вчетвером ужинали, приятно беседовали. И во время одной такой беседы супруга вдруг вспомнила старую легенду о «Доме чекиста».

— Говорят, в одной из квартир нашего подъезда запрятаны ценные исторические документы. То ли план какой, то ли карта.

— О, прямо остров сокровищ! — воскликнул будущий зять.

— Ну, сокровища не сокровища, но определенно что-то ценное, — сказал генерал. — И видно, что их разыскивали. Мы когда здесь получили квартиру, удивились, почему в казенном жилье обои как бы с ножичком везде пройдены.

— Потом уже соседи рассказали, что эта история чуть не с первых лет постройки дома тянется, — добавила жена. — Забраться сюда чужим людям непросто, жилье режимное, а все равно, видать, забирались, искали.

— Помните, мам-пап, — оживилась Аннушка, — как к нам водопроводчик приходил без инструментов?

— Точно, было такое, — подтвердила супруга. — Аферист какой-то! Так и рыскал глазами по стенкам, притом, что его не вызывали и никаких протечек у нас не было. Я его сразу определила, так он убежал, только пятки сверкали! Я аферистов за версту вижу, у меня на них идиосинкразия.

— Что у тебя на них? — испугался генерал.

— Ну, непереносимость.

Разговор перешел на другую тему, а утром генералу сообщили, что можно выкупать автомобиль. Собирался записать его на имя Ильи, тот отказывался:

— Мне как-то неудобно. Но если вместе с вами, тогда ладно.

— Добро, — сказал генерал, — я деньги сегодня сниму со своей сберкнижки, завтра вместе поедем оформимся.

Аннушка тогда нигде не работала, все не могла трудоустроиться, чтобы по душе пришлось (еще одна боль родителей, которая должна была отпасть вместе с первой). И вот каждое утро она вместе с Ильёй вставала в семь пятнадцать, чтобы проводить его до госпиталя — и каждый вечер, ровно в шесть встречала его на КПП. По дороге жених рассказывал невесте о сегодняшних больных, о взбалмошной хирургине Ксении Юрьевне, к которой Аннушка слегка ревновала, о том, как солдатики бегают из одного корпуса в другой с направлениями и анализами — в общем, рабочий день Ильи генеральская дочь представляла себе объемно и живо, в подробностях.

Вечером, накануне покупки машины, генерал удивился, что Аннушки с зятем так долго нет. Дочка вернулась только к девяти, одна и расстроенная.

— С ним что-то случилось, папа! Я ждала у КПП, как всегда. Ко мне даже солдата отправили. Сказали, ну так позвоните ему в отделение, а у меня номера телефона нет, никогда я ему не звонила!

Илья так в тот вечер и не вернулся в «Дом чекиста», а генерал, уже когда лег спать (Аннушку отпаивали настойкой пиона до самой ночи), вдруг вздернулся весь и поспешил в свой кабинет. Там на столе, между двух папок с документами, лежали деньги на машину. А теперь, конечно, не лежали.

— Дурак же, какой я дурак! — ругал себя генерал. Так сильно ругал, что супруга смолчала, обошлась безо всяких «а я говорила».

Труднее было с Аннушкой. Никак она не могла поверить в то, что жених ее сбежал, ограбив родителей. Даже когда генерал при ней звонил в госпиталь — и ему сказали, что никакого Ильи Спиридонова там не знают. А вот Ксения Юрьевна там действительно работала, только была не хирургиней, а процедурной сестрой...

Генерала вскоре перевели в Москву со всем его пострадавшим семейством,

соседям юный «Спиридонов» не слишком-то примелькался, поэтому спустя столько лет и стал заново шнырять по квартирам «Дома чекиста». Не давала ему покоя та история с секретными документами.

— ...Вбил он себе в голову, что это были личные бумаги Анастасии Романовой, которая будто бы спаслась каким-то чудом после казни в Ипатьевском доме и жила до самой смерти в режимном подъезде, — рассказывал капитан Воронин. — Он вам, Юлия Ивановна, показывал следы ермаковских пуль на фасаде?

— Показывал.

— Но вы же понимаете, что никаких следов там остаться не могло, даже если бы Ермаков и вправду стрелял тогда в генеральскую жену? Фасад неоднократно обновляли. Тем более после такого вопиющего случая.

— А почему он тогда?..

— А потому что наш Михаил Сергеевич, или, как вам привычнее, Олег Аркадьевич, одержим не только мелкой и крупной выгодой, но и тем, чтобы любой ценой сделать жизнь увлекательнее! Свою, вашу, мою, нашу общую жизнь... Украшал правду, обставлял реальность подробностями, привирал всегда со знанием дела. Знал, что на кого подействует. Вас попытался своей генеалогией впечатлить. Других — военными или врачебными заслугами. На женщин действовал неотразимо, куда нам, грешным...

Аннушку он соблазнил совсем еще молодым человеком — ему только-только восемнадцать стукнуло. Всех делов-то было — регулярно, от корки до корки читать «Медицинскую газету» и «Красную Звезду», куда при всей нашей секретности просачивались любопытные факты, которые Кузин запоминал и использовал. Да он чужие биографии носил, как костюмы! И все приходились впору.

— Ну не знаю, — засомневалась Юля. — Мне вот он как-то сразу показался подозрительным. Но я тоже сомневалась! Даже ругала себя, что плохо думаю о незнакомом человеке. А что было после Аннушки, на чем он засыпался?..

...Генеральских денег Кузину хватило ненадолго. Он быстро привык жить на широкую ногу — одевался на вещевых рынках, обедал в ресторанах, целое лето провел в Крыму, в Судак. Там, на пляже, познакомился с новой «невестой» — с ней пришлось возиться дольше, потому что она была обеспеченная вдовушка с маленьким сыном. Жила в Волгограде. Обобрал в конце концов и вдовушку. Поехал с деньгами в Сочи, там — новый роман, старая схема... Любовь, признание, ЗАГС, исчезновение с деньгами или ценными вещами. Даже как-то надоело уже. Обязательно брал на память о каждой своей подружке небольшой трофей — так повелось с аметистового перстенька глупой Аннушки, пропажу которого она заметила, когда переезжала в Москву.

Кузина тянуло заняться чем-то серьезным — сказать свое слово в исторической науке, написать книгу. Хотелось вернуться в свердловский «Дом чекиста» и найти тайник с документами. Но отвлекала презренная бытовуха — вечный поиск новых несчастных баб, мелкое мошенничество с землей, позднее — оконный «бизнес», на котором он, кстати, попался во второй раз. Не смог отказаться от приработка.

Несчастные бабы, слава богу, не переводились — этого добра у нас хоть пруд пруди. Вот только выдавал теперь Кузин себя не за врача, а за военного. Это после того как связался с очередной невестой, а у нее, как выяснилось, вся семья — докторишки. Тут уж «Медицинской газетой» не отделаться, хотя он и энциклопедию почитывал — опасался погореть.

Не только женщины ему, кстати сказать, верили. Он был очень убедителен и врал с каждым годом все лучше, и выглядел все представительнее. Когда требовалось — молодец, если нужно — старел.

Неделю спустя после своего тридцатилетия Кузин под личиной Андрея Игнатьева ехал в спальном вагоне с очередным генералом — то ли случайно так совпало, то ли по плану, это Воронину неизвестно.

Из Киева в Москву шел тот поезд. Генерал был в хорошем расположении духа, предложил попутчику составить ему компанию. Выпили немного, потом добавили еще немного. Оба ведь служивые, есть о чем поговорить. Правда вот, Андрей Игнатьев был в штатском. И невеселый.

— Чего грустишь? — по-доброму спросил генерал.

— Да к матери еду в Москву, генерала мне дали недавно, а форму сшить не успели. Хотел всего лишь старуху свою обрадовать...

— Ну, этому горю я точно смогу помочь! — обрадовался попутчик. — Как только приедем, отправляйся по этому адресу, скажешь, что от меня. Будет тебе форма! А звание твое давай прямо сейчас отметим.

Отметили.

— Ты где служишь-то? — спросил Игнатьев первым.

— В Киеве, а ты?

— Под Ленинградом. В Полтаве у родни гостил.

Как раз недавно была в «Красной Звезде» подробная статья о достижениях одного военнотружущего из Ленинградского военного округа. Игнатьев пересказал ее своему новому знакомцу в подробностях, не переувра ни одной фамилии.

— О, так ты с Женькой Телятниковым знаком? — обрадовался генерал. — Это мой одноклассник. Хотелось бы мне его повидать. Передай привет.

— Передам, не забуду, — клялся Игнатьев.

Общаясь с военными, изображая одного из них, самым главным было никогда не «служить» в тех частях, где служил собеседник. Желательно, чтобы они находились одна от другой на максимальном удалении! Благо, страна позволяла. А если сыщутся общие знакомые, так это не страшно. Важно — первым задать правильный вопрос и самому не лопухнуться с ответом.

Прибыли в Москву, пожали друг другу руки, Игнатьев поблагодарил генерала за помощь — и отправился за формой. Такие она перед ним возможности раскрывала, что он их даже осознать сразу все не мог! Отвлёкся, расслабился. И, уже наряженный в новенькую «парадку» генерала, крепко уснул в зале ожидания Казанского вокзала, откуда собирался выехать в Свердловск.

Именно в тот час, на беду Игнатьева, в здание вокзала вошел военный патруль. Смотрят — а там целый генерал спит! Без сопровождения, даже, кажется, без багажа. Непорядок. Стали будить аккуратно:

— Товарищ генерал, проснитесь! Товарищ генерал!

Спросонок не сумев оценить ситуацию верно, Игнатьев сделал именно то, чего делать категорически не следовало — побежал от патруля. Его догнали, уже безо всякой уважительности потребовали документы — и выяснили, что никакой Игнатьев не генерал, а всего лишь гражданин Кузин, который, к тому же, находится в розыске.

Присудили ему вполне божеские четыре года, наказание отбывал в Новой Ляле Свердловской области. Показал себя примерным и раскаявшимся, так что на свободу вышел не только с чистой совестью, но и годом раньше. И первым же делом после освобождения рванул в Свердловск. Не давали ему покоя таинственные бумаги из «Дома чекиста», все искал способ, как бы к ним подобраться. А капитан Воронин искал способ поближе подобраться к Кузину, потому как присматривал за ним после освобождения по личной просьбе одного высокопоставленного московского военного.

— Чем больше я о нем узнавал, тем сильнее меня восхищала его невероятная, безграничная наглость! — сказал Воронин. — Мешало Кузину только то, что он не мог сконцентрироваться на одном крупном деле, постоянно отвлекался на мелочи. Самое смешное, Юлия Ивановна, что он действительно написал книгу о «Доме чекиста», и она получилась весьма занимательная! Вы не читали?

— И не собираюсь. Уверена, там сплошное вранье.

— Ну, не сплошное. И потом, как изложено! Роман!

— Вы говорите об этом аферисте с такой симпатией, — не утерпела Юля.

— Виноват, — развел руками капитан Воронин. — Ничто человеческое, сами понимаете... И если бы он не увлекся побочным мошенничеством с окнами, то мог бы не пускаться в бега!

Погорел Кузин именно на евро-окнах, которые предлагал по льготной цене жильцам «Дома чекиста». Ему надо было попасть во все квартиры режимных подъездов без исключения, но сделать это по легальной причине — я, дескать, пишу книгу, не согласитесь ли ответить на пару вопросов? — получалось не всегда. Люди теперь стали намного подозрительнее, это в советское время можно было постучать в любую квартиру, попросить стакан воды и получить его. Вот Кузин и совмещал приятное с полезным, историю — с бухгалтерией. От денег отказываться он с самых юных лет не умел, и когда доверчивые обобранные им старушки начали возмущаться, пропал из виду окончательно. Нашел он тайник или нет, так по сей день неизвестно. Но по заявлению одной из потерпевших жилищек был вновь объявлен в розыск. А тут и Юля с Пашей удачно подвернулись под руку...

— Мне все-таки кажется, что вы специально его упустили, — сказала Юля, когда капитан Воронин прощался с ней, будем надеяться, навсегда. Сказала она это тихо, и капитан вполне мог сделать вид, что ее не услышал.

6

О смерти Олега Аркадьевича Ясного Юле сообщили в очень неудачное время, когда она везла экскурсантов на Ганину Яму. Один из них, очень высокомерный, в автобусе делал вид, что не слушает, как Вогулкина рассказывает о старой Коптяковской дороге, и демонстративно читал книгу «Пятьдесят лет в строю». Автор — генерал Игнатъев. Еще пять лет назад Юлю разволновало бы это совпадение, но в последнее время она отмахивалась от подобных сюжетов, как от комаров. Ее даже не заинтересовало внезапное появление на виртуальном горизонте полной тетки, которая уехала в Великобританию и сделала там научную карьеру.

«Вроде бы мы с тобой учились в одном классе», — написала ей вторая Юлия Вогулкина, после чего довольно агрессивно потребовала, чтобы первая сделала официальный запрос в Гугл — потому что при запросах в сети всплывало не только имя ученой мартышки Вогулкиной, но и никому не нужного уральского гида. И ее довольно неудачная, скажем честно, фотография.

«Количество упоминаний в научном мире сейчас приобретает особое значение», — сообщила мартышка. Юля ответила, как будто они снова были четвероклассники: «Тебе надо, ты и пиши. В Гугл».

Вторая Вогулкина потрясенно замолчала, но в Гугл, судя по всему, обратилась, потому что теперь при упоминании их общего имени в Сети появлялось уточнение — (Rus) или (En).

Телефон зазвонил, когда автобус уже свернул на узкую дорогу, ведущую к монастырю, и за окнами, как вертикальные жалюзи, замелькали березы. Юля всегда отключала звук на время экскурсии, а тут вдруг забыла. Схватила трубку после первого же звонка.

— Мне тут в музей рассылка пришла, — сказал Паша Зязев. — Олег-то наш Аркадьевич внезапно скончался. И нас с тобой приглашают к нему на похороны. Завтра в одиннадцать, в крематорий.

Экскурсию Вогулкина вела после этого известия как во сне. Мерещился ей за каждым деревом то Ясной в своем сером костюме, то капитан Воронин-Ваулин, который, судя по всему, потерял интерес к делу об аферисте Кузине... Тарабанила раз

и навсегда сложившийся текст о царской семье, показывала, где находится свечная лавка и трапезная, провожала до туалета, но думала в это время совсем о другом — неужели Ясной действительно умер?..

Такие люди не имеют права уходить из жизни запросто, — думала Юля, на автомате объясняя водителю, как проехать в Поросёнков Лог. Высокомерный экскурсанта, читавший в автобусной тряске мемуары генерала Игнатьева, сказал, что специально договаривался в турбюро о поездке к Мемориалу царской семьи — и что ему глубоко фиолетово, если остальным участникам экскурсии это неинтересно.

— Мне всегда нравился глубокий фиолетовый цвет, — сказала Юля, но все-таки попросила водителя сделать крюк в сторону Лога. С турбюро она потом разберется.

Неужели Ясной умер, неужели его больше нет? Нашел ли он тайник в «Доме чекиста»? Под каким именем провел последние годы?

— Я вам вопрос вообще-то задала, — обиженно сказала низенькая экскурсанта в потертом синем платочке. Стрёмненький синий платочек... — Если церковь не признаёт захороненные в Петербурге останки за мощи святых царственных страстотерпцев, так и зачем нам ехать к тому месту, где их обнаружили?

— Господи! — немедленно отозвался высокомерный. — Вы еще у нее спросите про Анастасию Романову, правда ли она спаслась?

Зря он так, конечно, подумала Юля. Сейчас начнется религиозный диспут, хорошо хоть ехать недолго.

— Мы стараемся предоставить нашим туристам объемную картину, — сказала Вогулкина, пытаясь отцепить от своих мыслей Ясного, образовавшего нечто вроде колтуна в волосах. — Действительно, официальная церковь не признаёт найденные в Поросёнковом Логу останки — останками Романовых. Я ведь рассказывала вам об этом, когда мы осматривали монастырь! По версии церковников, после уничтожения тел Романовых уцелела одна лишь фаланга пальца Александры Федоровны. Она замурована теперь в Брюссельском храме. Мы как раз подъезжаем к Мемориалу. Вещи можете оставить в автобусе, остановка будет совсем короткая.

Почти половина экскурсантов осталась на своих местах, но синенький платочек ринулась к Мемориалу первой.

— Вот здесь обнаружили тела почти всех Романовых и их верных слуг. А вон там — Юля махнула рукой в сторону небольшого леска, куда вела узкая тропинка, — были найдены останки Марии и Алексея.

Высокомерный с каким-то особенным смаком шелкал фотокамерой, словно бы заново расстреливая Романовых, а синий платочек, пригорюнившись, сказала Юле:

— И ведь даже березы здесь растут кривые да низкие! Вот какая вам еще нужна правда, безбожники?..

Юля так вымоталась после этой поездки, что даже в квартиру свою поднялась не сразу. Вышла из автобуса и чуть не полчаса сидела на лавочке, остывая и медленно возвращаясь к себе. Яблони уже начали облетать, и после недавнего дождя нежные лепестки прилипали к туфлям: звучит романтично, а выглядит, как будто встал ногой в размокшие бумажные салфетки.

Снова позвонил Паша:

— Ты чего такая вареная? Дома сегодня? Заехать?

— Не надо, — сказала Юля. — В крематории завтра увидимся.

Слово «крематорий» вдруг показалось ей нежным и сладким. Крем здесь звучал, не кремация.

Был ли Ясной таким же ухоженным в гробу, как в жизни?

Был ли там Ясной вообще?

И почему никто не предупредил о том, что хоронить его — или очередного

двойника, Кузина, Спиридонова, Игнатьева, Зельдовича, всех сразу, — будут под крышкой?..

Вогулкина приехала в крематорий раньше времени. Пока ждала, купила в киоске четыре красные гвоздики (их здесь бессловесно заворачивали в бумагу, не предлагая «как-нибудь оформить»). Наблюдала за тем, как входят в зал ожидания другие прощальники — лица их были Вогулкиной незнакомы, но пару старух из «Дома чекиста» она вроде бы опознала. Они были без цветов, с решительным выражением на лицах. Странное дело — Ясной умер, сама Юля, как ей казалось, постарела, а обманутые старухи почти не изменились. Заколдованный дом. Там, наверное, не бумаги Анастасии Романовой замурованы, а рецепт вечной жизни.

А вот капитан Воронин-Ваулин в крематорий почему-то не явился.

Тоже умер, поди. И ведь не проверишь! А старухи — живы...

Чем дольше стояла Юля у закрытого, с прикрученной винтами крышкой, гроба, тем сильнее прорастала внутри нее тоска: стойкая, как сорняк с мясистым корнем.

Стебель тянулся от сердца к горлу, чтобы выскочить воплем — но по кому ей вопить, не по Олегу же Аркадьевичу Ясному?

Или все-таки по нему?

Жизнь большинства людей скучна и утомительна, особенно жизнь условно порядочных людей, таких, как Юля и Паша. Да, они не обманывают, не воруют, не выдают себя за генералов, и даже грешат исключительно по расписанию, утешая себя тем, что не хотят доставлять своим близким непереносимых мучений. Но жизнь их становится с каждым годом все тяжелее, каменеет день ото дня. Сбросить бы ее с плеч, как гору, которую Сизиф вполне мог бы принести к Магомеду — и стать, таким образом, его двойником.

Паша, пробравшись ближе к гробу, взял Юлю за руку, и она вспыхнула от радости, которая пока еще не растворилась в утомительной, скучной жизни. Но скоро и от нее ничего не останется, кроме двух-трех вспышек в памяти — и те со временем погаснут.

«Кто зажгёт в тебе свет, обернётся твоей тенью, и в ночной тишине вырвет сердце из груди», — на сей раз это не Паша, а Юля вспомнила подходящую к случаю цитату.

Но вслух произносить не стала.

Смотрела, как условный брат Ясного идет к микрофону, слегка раскидывая носки в стороны. Балетная походка!

Думала, что покойник, скорее всего, и вправду учился в Пермском хореографическом училище, был внуком генерала Игнатьева и владельцем работ Марка Шагала. Вся его ложь — временами топорная, временами изысканная, как брюссельское кружево, все его преступления, мошенничества, обман — вырастали из желания быть честным с собой, а не с другими. Он сам был своим собственным двойником, а не искал сходства с другими, как это делает большинство.

Юля высвободила свою ладонь из Пашиной руки — и улыбнулась так, как не улыбаются на похоронах.

Даже на похоронах афериста.